

Независимая газ. — 1994. — 22 июля.
Из разговоров с Зинаидой Гиппиус ... С.Ф.

Когда-то в одной из брошюр Лев Троцкий увещевал читателей покончить с религиозными предрассудками известным набором тезисов: Бога нет, ангелов нет, чертей и ведьм нет, — и вдруг неожиданно, в скобках, добавил: «Впрочем, нет, одна ведьма есть — Зинаида Гиппиус». Живой голос замечательной «ведьмы» попытался по памяти запечатлеть на бумаге — сразу после ее смерти — один из ее близких знакомых, Георгий Адамович, скромно подписав свои записки инициалами. «Разговоры с З.Н. Гиппиус» были опубликованы в 1945 году в послевоенном альманахе «Встреча» (Париж) №2. Публикуется к 125-летию со дня рождения поэтессы.

О.К., С.Ф.

КАК СЕЙЧАС помню, приехали мы к вечеру, едва успели вымыться, переодеться, стучат в дверь: просят в гостиную. Софья Андреевна усадила меня рядом с собой на диван: какие платья носят в Петербурге, да какие пьесы ставят, обычная дамская болтовня. А он с Дмитрием Сергеевичем в стороне, у камина, и я про платья кое-как отвечаю, а все прислушиваюсь, о чем у них разговор. Он начал что-то несуровое: «разум это фонарь, который человек несет перед собой...», — я не выдержала и переребила его, — «да что вы, что вы, какой фонарь, где фонарь, совсем разум не фонарь». И вдруг осеклась, даже вся покраснела — Господи Боже мой, да на кого же это я кричу.

А он замолчал, видимо, удивленный, и потом очень вежливо и тихо сказал: «может быть, вы правы... я всегда рад выслушать чужое суждение».

— Самый лучший русский поэт — Тютчев. И Лермонтов. А потом, пожалуй, и ваш Некрасов, если уж вам так хочется. Да, еще Жуковский. Он, правда, жидковатый какой-то, но прелестный. И еще у Алексея Толстого восемь или десять стихотворений чудесных. Еще Баратынский, конечно.

— А Пушкин?

— Ну что Пушкин?

— А Пушкин что же?

— Пушкин — это совсем другое. Пушкин — это Пушкин. Ну что вы в самом деле пристали!

— Есть, по-моему, четыре рода

З.Н. Гиппиус. Портрет работы А. Бакста. 1906.

поэзии. Первый, низший, — непонятно о понятном. Второй, выше, — понятно о понятном. Затем непонятно о непонятном. И, наконец, понятно о непонятном... Блок споткнулся на четвертой ступеньке...

— Отчего вы не были у нас в прошлое воскресенье?

— Так.

— Ну как вам не стыдно! Так! Что это за слово «так»? Терпеть его не могу! Так! Лучше уж соврите, только не говорите «так»!

— Прислала она мне свой роман и просит отзыв. Уж я крутила, крутила, и так, и этак, все думаю, как бы ей написать, чтобы не очень обидно вышло. Даже из апостола Павла цитату ввернула, до того расфилософовывалась.

— А если бы вы написали ей правду?

— Ах, если бы написала я

правду, то было бы в моем письме всего два слова: несчастная дура.

...

— В Петербурге у нас тоже такие собрания бывали, только народу больше. Кричат, шумят, спорят, ужас... А один какой-то рыженький, лохматый в углу сидел и все молчал. Изредка только привстанет и спросит: «Зинаида Николаевна, а как же быть с хаосом?» Пройдет полчаса, разговор уже совсем о другом, а он опять: «Зинаида Николаевна, с хаосом как же?» И что ему хаос мешал?

— Вечер поэтесс? Одни дамы? Нет, избавьте, меня уж когда-то и в Петербурге на такой вечер приглашали, Мариэтта Шагинян, кажется. По телефону. Я ей и ответила: «простите, по половому признаку я не объединяюсь». Поэтессы очень недовольны остались.

— Я верю в бессмертие души, я не могла бы жить без этой веры... Но я не верю, что все души бессмертны. Или что все люди воскреснут. Вот Икс, например, — вы знаете его. Ну как это представить себе, что он вдруг воскреснет. Чему в нем воскресать? На него дунуть, никакого следа не останется, а туда же воскреснуть собирается.

— Я стихов Дмитрия Сергеевича не люблю, да и сам он их не любит... А когда-то, еще гимназистом, он читал их знаете кому?

— ?

— Достоевскому. Достоевский слушал, лежа на диване, закрыв глаза, больной, желтый, и сказал: «Страдать надо, молодой человек, — страдать, а потом стихи писать». А ведь правду сказал, а?

— Вчера был у меня Игрек. С выговором.

— ?

— Да как же... Говорит, что я отстала, ничего не понимаю, что растут новые силы, всюду новые темы, жизнь кипит, молодость, расцвет, все такое вообще, а я никому не нужна. Я спрашиваю: «Какие же это такие новые силы?» Он так и налетел на меня: «Да что вы! Вот, например, Пузанов из Воронежа... читали?» А зачем, скажите, я на старости лет, да после всего, что я в жизни прочла, зачем я стану читать еще Пузанова из Воронежа?

— Мне последнее время все Блок снится. И так странно, будто явление какое-то. И все как будто упрекает меня в чем-то...

— Вы когда-то говорили, что виноваты перед ним.

— Что? Виновата? Может быть. Трудно об этом говорить... Он вообще трудный человек был. Но чистый удивительно. Я все-таки рада, что эти стихи... знаете?.. «мы — дети страшных лет России»... он мне посвятил. По-моему, это лучшие его стихи.

— Если человек никогда не думал о смерти, с ним вообще не о чем разговаривать... Я всяких морbidностей терпеть не могу. И даже стихов не люблю со всякими такими похоронными шпучками. Но если человек никогда не думал о смерти, о чем с ним говорить?